

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес-

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес-

Д. ТОЛКАЧ
ПУШИСТЫЙ ПЛЕН

Волос пушистых благодать
Дурманит и ласкает.
И мне никак не совладать
С собою — сердце тает.

И в них я медленно тоню
И в негу погружаюсь,
В их упоительном плену
В нирване забываюсь.

И тонкий аромат духов,
Божественный, желанный,
Лишает слов, лишает снов
И мыслей непрестанно.

Волос мерцание твоих —
Что может с ним сравниться? —
Оно, с сиянием глаз родных,
Все в душу мне струится...

Оно цветет, всюду цветет —
Эдем в нем несравненный,
И все ликует и поет
В сей миг благословенный.

Волос пушистых благодать
Ласкает и ласкает.
И не хочу я совладать
С собой. Пусть сердце тает...

К. ПОПОВ

Снова чистое небо,
Пух летит с тополей,
Почему ты мне, лето,
Не расскажешь о ней?

Почему не увижу
Завороженный взгляд,
Ночью в отблесках тихих
Глаз небесный наряд.

Губ изгиб твоих снова
Я хотел целовать,
Может, просто два слова
Не успел я сказать.

Снова в душу ворвется
Отзвук прошлой весны,
Лебединая песня —
Эти нежные сны.

В. КОРЫТКО

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Струи звонкие иссякли
Отплясавшего дождя,
И везде живые капли
На ресницах дня дрожат.

От кустов, деревьев влажных
Отвести не можешь взгляд:
Листья в россыпях алмазных,
Словно царственный наряд.

Выпивает солнце лужи.
Кстати пролитым дождем
Бор умылся, лес разбужен,
Задремавший жарким днем.

Оживил все ливень летний —
Животворный чародей.
Но не только блеском внешним
Он так радуется людей.

Принимая дар небесный,
Утоливший жажды пыл,
Станет колос полновесней,
Злак, что дождик напоил.

И в сияющем просторе
Птицам радость не сдержать,
Прославляют они хором
Омовенья благодать.

разлуки с матерью и сес-

Б. ЮДИН
ДУШИ МОЕЙ ПАРУС

Сегодня дождался у моря погоды:
Нептуну подарен мне миль...

В просторе стремится души моей парус
Сквозь штормы — на Ближний Восток:
Вконец перекрыть сатанинскую свару
И крови народной поток...

Там тесно вражде, у подножья Синая —
Улыбке и счастью — простор.
Пусть пальмы растут там, про войны не зная,
И дети до старческих пор.

В просторы стремится души моей парус,
На юг. И ему нет преград:
Небесною ширью он с чайками в паре
Лететь над планетою рад!

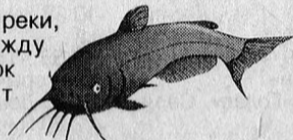
В. ФИЛОНОВ

Накопил червей, проверил снасти.
Я иду, иду к тебе, река!
Нет сильнее радостной напасти,
Что владеет сердцем рыбака.

Для меня река бежит-струится,
Звезды водит месяц молодой,
Для меня поют с рассветом птицы
И заря целуется с водой.

Я спешу к реке и сердце бьется,
Я спешу с волнением — вот
Мне кувшинка встречно улыбнется
И листом-ладошкой взмахнет.

Заблестит мир солнечных искринок,
Чудный мир,
Где я и гладь реки,
Где промежду
радостных кувшинок
Выставляю
пальцы поплавки.

явно, он обжегся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было

Рассказ **ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ**

Она опять пришла, через несколько месяцев другой ее жизни. Она сидит рядом, и, кажется, совсем не хочет говорить о себе: мои вопросы перебивает своими, ненужными (она уже знает на них ответы), — ну как дела? как ты живешь?

Я отвечаю что-то невнятное, но больше молчу, выжидая, когда же наступит та критическая точка и Лена начнет потихоньку, спотыкаясь на простых словах, говорить о своем, о том, что кипит внутри и мешает слушать и понимать других.

Она покинула наш маленький городок, что по меркам провинциалов амбициозных главная ступень будущих завоеваний — вырваться из круга привычных, засасывающих вещей. Но уезжала она отсюда отнюдь не с настроением хорошего спортсмена, сбравшего волю в кулак, с радостной яростью прыгающего на запланированное расстояние. Нет. Я помню, Лена долго цеплялась за милые сердцу, но увядшие надежды, заводила откровенно глупые романы с людьми пустыми, не желающими ее души, а жаждавшими всегда плотского плюс к этому еще и банального веселья.

Здесь у нее не было будущего, потому что здесь поселилось ее прошлое — обидное, горькое, невычеркиваемое, а главное, еще любимое. Тогда, когда казалось бы жизнь ее шла к размеренному мещанскому счастью, все рухнуло — вдруг. На ровном месте. Любимый уехал ровно под праздник, а потом пришла телеграмма — черным по белому — я не вернусь, а потом он вернулся — для того, чтобы подготовиться к свадьбе... с другой, которая там, далеко, а потом — у них с другой был ребенок, а потом — они поселились здесь... Лена словно забыла о своей жизни, она отмечала где-то внутри вехи уже чужой судьбы и морщила ее от каждого при-

косновения друзей к этому внутреннему для нее процессу.

Время притупило боль и разочарование, но пощадил — коварное — первое чувство к первому мужчине. И жизненная дорога стала не спиралью, а замкнутым кругом, где память в какой-то момент перечеркивает все планы и откатывает ее назад.

Впрочем, уезжала она не в пустоту — ее обожал мужчина, трепетно, даже фанатично он произносил ее имя, не требуя ответного выказывания страстных чувств. Он думал, наивный, что его жертвенность и любовь смогут зажечь семейный очаг. Не получилось. Понятно же, прежде чем разжечь очаг, его надо построить. Лена вышла замуж за него, и долго, сидя дома, искала в своем муже ненавистные ей черты — в конце концов это превратилось для нее в своеобразное стахановское соревнование — каждый день все больше процентов к плану. Нет, не было бурных сцен, в доме поселилась тихая ненависть, оглушавшая всех, кто туда попадал.

В их отношения не вмешивались, лишь издали следили, как темнеет лицом он от ее безжалостного ненавидящего молчания. Они разошлись...

И вот Лена сидит рядом со мной и рассказывает о новом своем увлечении — она уже сомневается, увлечение ли это или просто необходимость? Она живет вместе с ним и его родителями. И все вроде хорошо, только иной раз в молчании его матери угадывается тихая ненависть.

— Ничего, рожу ребенка, переедем в другую квартиру, сделаем ремонт, — говорит она.

— А он знает о твоих планах? — спрашиваю я ее.

— Нет. Но все получится, — уверенно отвечает подруга. — Как ты считаешь?

Т. САВЕЛЬЕВА.

ЗЫБЧАНЫ

А. ВАГАБОВ

Спасибо вам, о маме кто сказал
Словами немудренными, живыми,
Кто посмотрел в печальные глаза
И вслух подумал: «Звезды плачут с ними».

Спасибо тем, кто помнит матерей
И в срок им самый верный письма пишет...
Давно не стало матери моей,
А мне все кажется, что рядом она дышит.

Родиться бы птицей,
У птицы ведь тоже
Есть мама родная,
Что жизни дороже.

По лестнице мчатся
И музе служить,
В далеком остаться,
Но в близком лишь жить.

Л. ФЕДОРОВА

«ЗЫБЧАНАМ»

О встрече с вами я мечтала
Так долго: мого, много лет,
Как жаль, что раньше вас не знала,
Тогда б не знала столько бед.

Талантливы, милы, прекрасны,
И вам спасибо, что вы есть,
Вы темпераментны и страстны,
Вас украшают ум и честь.

Не скрою: жизнь мне изменила
И встречей с вами я полна.
Вы светлой радостью пленили
И выпью я ее до дна!

**ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО**

Владимир ВЫСОЦКИЙ

**ГРУСТЬ МОЯ,
ТОСКА МОЯ**

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка, —
Чувствую — дышу и хорошою...
Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска,
Изловчась, мне прыгнула на шею.

Я ее и знать не знал, меняя города, —
А она мне шепчет: «Как ждала я!»
Как теперь? Куда теперь? Зачем
да и когда?
Сам связался с нею, не желая.

Одному идти — куда ни шло,
еще могу, —
Сам себе судья, хозяин-барин,
Впрягся сам я вместо коренного
под дугу, —
С виду прост, а изнутри — коварен.

Я не клевету, подобно вредному
клещу,
Впился сам в себя, трясую за плечи,
Сам себя бичую я и сам себя
клещу, —
Так что — никаких противоречий.

Одари, судьба, или за деньги
отоварь! —
Буду дань платить тебе до гроба.
Грусть моя, тоска моя —
чахоточная тварь, —
До чего ж живучая хвороба!

Поутру не пикнет — как бичами
ни бичуй,
Ночью — бац! — со мной на боковую:
С кем-нибудь другим хотя бы
ночь переночуй, —
Гадом буду, я не приревную!

1980 г.

ПОРТРЕТ

И не нужно ему эпитафий.
И как-будто уже не впервой
Улыбается он с фотографий,
Все такой же, как прежде — живой.

Улыбается строго и честно.
И открыто нам смотрит в глаза,
Так, как будто ему неизвестно,
Что из мертвых воскреснуть нельзя...

И с пластинок, кассет и с экрана
Среди многих других голосов
Этот голос — открытая рана
На зияющем теле стихов

Слишком тяжело — «посмертная слава»,
Слишком горько, что «больше не быть»,
Но его неизменное право
Нас живущих, прощать и судить.

Смотрит просто, светло и сурово
Через лет уносящихся дым...
И как-будто последнее слово
Все еще остается за ним!

Подготовил Е. ПОДДУБНЫЙ.